

Марина Ветрова ♦ Камила Левитан

Измена Жениха.

Ты продал меня за миллионы,
а восточный миллионер ждал меня
десять лет!

**Камила Левитан
Марина Ветрова**

Измена жениха. Ты продал меня за миллионы, а восточный миллионер ждал меня десять лет!

<https://litres.ru/74694844>

SelfPub; 2026

Аннотация

За несколько часов до вылета в Марракеш Ася находит на планшете жениха фотографии его любовницы.

Десять лет отношений рушатся мгновенно. Но измена оказывается лишь началом: Вадим собирался подставить её в многомиллионной сделке с произведениями искусства, оставив виновной за чужие махинации.

В незнакомом Марокко Асе приходится защищать профессию, доброе имя и свободу.

Неожиданным союзником становится Халид бен Аммар — влиятельный хозяин старинного дома, который помнит девушку ещё со студенческих лет.

Пока предатель пытается вернуть власть над ней, Ася раскрывает тайну коллекции и узнаёт, что настоящая любовь иногда ждёт десятилетиями.

Но сможет ли она снова довериться мужчине и поверить в любовь после всего пережитого?

Содержание

Глава 1. Фото на планшете	5
Глава 2. Тот самый человек	14
Глава 3. Сделка, которой не будет	21
Конец ознакомительного фрагмента.	24

**Марина Ветрова,
Камила Левитан**

**Измена жениха. Ты продал
меня за миллионы, а
восточный миллионер
ждал меня десять лет!**

Глава 1. Фото на планшете

Пахло аэропортом — кофе, дезинфекцией и чужими духами. Уперевшись в холодное стекло у окна зоны вылета, смотрела, как такси разъезжаются по мокрой полосе перед терминалом. Москва, начало ноября. Дворники у таксистов ходили вразнобой, кто-то сигналил без причины, и всё это — серое, будничное — было последней картиной моей прежней жизни, хотя я ещё об этом не знала. Через четыре часа наш рейс в Доху, оттуда — в Марракеш.

Через шесть дней — окончательный расчёт по сделке, над которой Вадим пахал два года: коллекция «восточной школы» Арнольда Розанова, двадцать восемь работ, сумма с во-

семью нулями. Моя подпись на экспертном заключении стояла на каждой странице. На каждой. До сих пор помнила, как вертела листы, проверяла свои инициалы в углу, как однажды попросила Вадима: «Тут опечатка в дате, перепечатай!». И ещё дождалась новой страницы, придирчиво сравнила цифры. Заботилась. Как о своём.

— Аська, чай будешь? — Вадим стоял в двух шагах, протягивая мне стаканчик. Серый кашемировый шарф, аккуратная борода; смотрел на меня, уже уверенный в согласии, как бывало при каждом его предложении. Десять лет влюблялась в этот взгляд. Десять лет принимала его спокойствие за надёжность, а привычку решать за двоих — за заботу. — Ты бледная. Поешь.

— Уже поела.

Враньё, но объяснять не хотелось; обхватила стаканчик, заняв себя хотя бы этим.

— Опять один йогурт? Ась, там пересадка, потом сразу к Розанову.

— Доем в самолёте. У нас ещё четыре часа, Вадим, успею проголодаться.

Чай был вкусный. Потом долго не могла пить такой чай из аэропортов — накатывало.

Мой собственный планшет разрядился ещё у дома, и без раздумий взяла его — лежал открытым на кресле, сверху куртки. Нужно было всего лишь расписание рейса.

На экране висло открытое приложение с фотографиями.

Сначала ничего знакомого. Просто чья-то квартира. Стол, вино, женское плечо. Потом в кадре проступила люстра — наша люстра, та, что мы с Вадимом везли на крыше такси три года назад и ржали, как он её обнимает в лифте и обещает водителю премию за каждый поворот без звона. Потом — подушка на диване. Горчичная. Выбирала её четыре недели, придиричиво щупая ткань в магазинах, потому что к ней шёл плед, а к пледу — шторы, и всё это было «наше гнездо», наше будущее, наша свадьба в мае.

А потом — Соня Розанова. Перепутать с кем-нибудь её было невозможно.

Она сидела на моём диване в моём халате — том самом, шелковом, с запахом, который он мне привёз «просто так, люблю тебя». Её пальцы с красными ногтями лежали на его груди. Он целовал её в висок, и лицо у него было такое, каким оно бывало у него со мной только в первые два года. Расслабленное. Домашнее. Он не знал, что его снимают, — или знал и был счастлив.

Стояла под кондиционером и слушала, как он гудит. Этот звук заполнял всю голову. Гул. Даже собственное сердце куда-то делось — прислушивалась к себе и находила только тягучее гудение, как в раковине.

Фото было не одно. Листала — их были десятки, с датами. Год. Прокручивая снимки, считала месяцы: вот он «на конференции в Вене» — а на фото Вена, отель, Соня в банном полотенце с бокалом; вот он «у матери в Питере» — а мама,

оказывается, очень фотогенична в компании Сони на набережной; вот он «пересиживает в офисе, не жди» — а офис, надо же, с двуспальной кроватью. Помнила каждое сообщение. Вспоминала, как расстраивалась, что он устал, и варила ему бульон заранее, на всякий случай, и замораживала. Отвечала: «Хорошо, люблю, береги себя». Отправляла ему сердечки. Десятками. Как дура. Как любящая женщина, что одно и то же.

Под фото в мессенджере висел открытый чат. Соня ему писала:

«Ну что, невеста твоя подписала всё? После Марракеша розановские бумаги уйдут в банк, и назад дороги нет. Ты обещал, что после сделки всё расскажешь ей сам. Не тяни».

Он ответил: «Не тяну. Ей конец один: подпись её, значит, ответственность её. Кто её слушать будет».

Ответственность её.

Прочитала фразу трижды. Слова были простые, русские, знакомые — а смысл не собирался, как разобранный шкаф без схемы. Подпись её. Ответственность её. Меня, оказывается, готовили к продаже — вместе с коллекцией, как расходный материал с приятной скидкой.

Подняла голову. Вадим стоял ко мне спиной — болтал с нашим куратором Лёшей про посадку, смеялся. Лёша что-то рассказывал про тещу, Вадим качал головой, у него дёргался желвак от смеха — знакомый до боли желвак, столько раз целовала его. Плечо, на котором висел кашемир, тоже цело-

вала тысячу раз. Кисти заledenели, точно до сих пор были прижаты к стеклу.

— Вадим.

Собственный голос удивил своей деловитостью. Внутри ревело, а снаружи — как у диспетчера.

Он обернулся. Посмотрел на моё лицо. Перевёл взгляд на планшет. И — вот что я запомнила на всю жизнь — он не испугался. Ни на грамм. Ни один мускул. Так смотрят на внезапный дождь: жаль, но ничего не поделаешь. Он поставил свой стаканчик на стойку, подошёл, забрал планшет из моих пальцев — мягко, как забирают нож у ребёнка — и выключил экран.

— Отойди, Лёша, на минутку.

Лёша, ничуть не удивившись, ушёл к стойке регистрации. Ничуть. Вот что важно. Они всё знали. Значит, знали не только они.

— Так. — Вадим взял меня за локоть и подвёл к нише с автоматами воды, где было тихо и пахло мокрым бетоном. — Ты взрослый человек, Ась. Скажи спасибо, что увидела до, а не после. Некоторые узнают из бумаг на развод.

— Целый год... — Губу свело, пришлось прикусить её изнутри. Нельзя. Не при нём. Ни одной слезинки: он следил за моим ртом с таким вниманием, что от этого хотелось заклониться. — Вадим, целый год. У нас свадьба в мае. Мы выбирали...

— Мы ничего не выбирали. — Он устало потёр переносицу.

сицу, объясняя очевидное несмышлёному ребёнку. — Я выбирал. Ты беспокоялась. Соня — это Розанов. Розанов — это коллекция, аукционные входы, кредитная линия, которую нам с тобой десять лет не видать. А ты — ты моя лучшая экспертиза, Аська. Ты хоть понимаешь, что без твоей подписи половина провенансов — бумага? Чистая бумага. Никому не нужная. Ты красивая, умная, удобная. Но Соню мне её отец подпишет под кредит. Ты — нет.

— Удобная.

Слово застряло, как косточка.

— Это комплимент. — Он даже удивился отсутствию радости. В этом весь Вадим: он никогда не врал в мелочах, потому что мелочи считал не стоящими усилий. Врать в большом — пожалуйста. В маленьком — зачем, ведь можно сказать правду, ей всё равно не уйти.

Дальше задала самый глупый из возможных вопросов. Про любовь. В двадцать девять лет, с дипломом и собственной экспертной печатью, всё-таки выговорила:

— А любовь? Что, и её тоже выбирал ты? Всё это время?

Он посмотрел на меня почти с жалостью. Так смотрят на вопрос про Деда Мороза от слишком взрослого ребёнка. И тогда добил — спокойно, без злобы, и от этого в десять раз хуже:

— Любовь. Ася. Посмотри на провенансы, которые ты подписала. Оригиналы бумаг по трём работам лежат не там, где ты видела копии, и копии нарисованы. Нарисованы, по-

нимаешь? Красиво, под возраст, с приветом. Розанов платит за красоту, банк платит за красоту. Но если кто-то когда-нибудь поднимет архивы — и гром грянет, подпись на бумаге твоя. Не моя.

Вадим склонил голову и подался ближе.

— Меня защищает договор с галереей. Тебя защищает твоя вера в меня, а её, как видишь, больше нет. Поэтому ты сейчас идёшь к стойке, улыбаешься и летишь в Марракеш закрывать сделку. Потому что если сделка развалится — первый вопрос будет: почему эксперт сомневалась и молчала? Твоя карьера, Ася. Твоя подпись. Твоя жизнь. Мне даже давить не надо, правда? Ты сама полетишь.

Он был прав. В том и ужас — в ту минуту его правота липла к ногам, как холодная мокрая юбка, и хотелось отдёргнуть ткань, а ухватиться было не за что. Целый год подписывала бумаги после проверки — прилежной, ограниченной тем, что он подавал. Над каждым листом сидела подолгу, а сам комплект собирал Вадим, выбирая удобные ему источники. Почему не подняла архивы сама? Потому что доверие, потому что десять лет, потому что он говорил «я уже проверял, Ась, я не первый год работаю». Потому что любила и была удобная.

— А если я всё расскажу сама? — Отвела взгляд от его шарфа, заставив себя смотреть Вадиму в лицо. — Розанову. На месте. Он покупает коллекцию, пусть знает, что получает. Вадим улыбнулся. Он редко так улыбался — впервые за

десять лет стало видно, какой у него рот, когда он по-настоящему жесток. Зубы ровные, губы тонкие. Надо же.

— Ты прилетишь в Марракеш, найдёшь Розанова и скажешь: я год подписывала бумаги, не проверяя архивы, а теперь мне совесть открылась? Ась, тебя вынесут из отеля за шиворот раньше, чем ты закончишь фразу. Твоё слово против моей карьеры и двухсотмиллионной сделки. Кому ты нужна?

Позже, очень позже, вспоминая эту секунду, уже могла различить, что во мне кончилось и что родилось. Кончилась та Ася, которая десять лет держала его чай в термосе и правила ему его же тексты, оставляя в авторской строке только его фамилию. Родилась другая, которой было страшно до дрожи — но страшно и всё. Страх, оказывается, бывает разный: тот, что парализует, и тот, что включает. У меня включился второй. О таком его свойстве прежде даже не подозревала.

В тот момент сделала единственное, что могла: наклонилась за своим стаканчиком, поставленным у автомата, и поднесла его к губам — следила за собой, как за чужой, ожидая дрожи, — и глотнула. Чай был уже холодный. Допила его до дна.

— Идём. Нас регистрируют. Поездку в Марракеш откладывать нельзя, ты же сам говорил.

— Вот и умница. По прилёте только сверка документов. Улыбаешься, отвечаешь на вопросы, через шесть дней полу-

чаем остаток.

— Про вопросы услышала. Отвечать буду.

Вадим выдохнул. Ему понравилось моё послушание — плечи расслабились, он уже искал глазами Лёшу и, наверное, собирался дослушать про тёщу. Он думал, что выиграл. Он думал, что закрыл вопрос.

У стойки Лёша забрал наши паспорта — «для регистрации собираю вместе, перед контролем каждому отдам, в До-хе тоже понадобятся», — и сунул их в свою папку-планшет. Проводила папку взглядом.

— А после прилёта?

Глава 2. Тот самый человек

Пришлось повторить вопрос: он уже отвернулся к сотруднице.

— Лёш, паспорт потом у меня останется?

— После въездного контроля соберу для заселения. Не переживай, всё получишь, мы же вместе едем.

Вадим кивнул за меня, и Лёша принял этот кивок как ответ. В папке лежали и мои документы, и бумаги по сделке. Всё, что было моей жизнью, убирал в папку чужой человек; он застёгивал её без суеты, а мне уже хотелось поблагодарить его перед выходом на посадку. Так меня выучили. Вежливой.

Достала телефон и написала в чат единственному человеку, о котором вспомнила в эту секунду, — куратору обменной программы, через которую десять лет назад к нам на семестр приезжал студент из Марракеша. Зачем пишу — объяснить себе не могла. Только один человек из прежней жизни оставался в стороне от этого дивана, халата, ужинов за моей спиной. Нужно было хотя бы спросить: тот ли ещё адрес у человека, о котором десять лет ничего не знала.

Отправила. Экран погас. Спустя несколько часов, после регистрации и контроля, где сама предъявила свой паспорт, объявили посадку на наш рейс; женский голос над головой звучал буднично, как всегда. И правда — ничего. Ещё не случилось.

Вадим взял меня под локоть — по-хозяйски, как брал тысячу раз, — и я пошла с ним по стеклянному коридору, считая шаги, чтобы не думать. Сорок три шага до рукава. Доисчитала до сорока трёх и начала заново.

В кармане завибрировал телефон. Доставать при нём не стала. Впервые в жизни — и это маленькое «не стала» было как первый шаг той другой меня.

Прочитала ответ через сорок минут, когда самолёт уже висел над облаками, а Вадим спал в соседнем кресле, откинув голову, приоткрыв рот, — человек, который никогда не спал рядом со мной глубже, чем вполглаза. Вот, значит, как он спит. Вот сколько чужих привычек скрывалось за десятью годами совместной жизни.

Сообщение было короткое, на русском с лёгким акцентом в построении фраз, который я узнала бы из тысячи:

«Ася Гусева. Да, тот самый адрес. Тот самый человек. Прилетайте. Халид бен Аммар».

Смотрела на экран, пока он не погас сам, и в чёрном зеркале отражалось моё лицо — незнакомое, жёсткое в скулах. И впервые за день у меня не было ни слёз, ни страха. Было что-то другое. Как в очень тёмной комнате, где нащупала выключатель и услышала щелчок: света ещё нет, но уже можно ждать.

Халид бен Аммар. Аспирант с юга, который на первом семинаре сказал что-то дерзкое про древних греков, за что его продавили на защите, а он даже не заметил. Который принёс

мне однажды кофе в бумажном стаканчике и сказал, что мой доклад — единственное, ради чего он ходит на русский отдел. Которому я сказала — я! — «ты интересный, но Вадим надёжный». Надёжный. Слово, которое я буду вспоминать всю оставшуюся жизнь.

Самолёт летел на юг, на солнце. Впереди оставались тысячи километров, Доха и ещё один перелёт.

Тогда ещё не знала, что в Марракеше сделка умрёт в первые десять минут, что мой паспорт уедет без меня, а я останусь стоять посреди чужого города с одной сумкой и одним именем в телефоне.

И не знала, что «тот самый человек» десять лет ждал этого сообщения.

Марракеш ударил в нос ещё с трапа: кориандр, жжёное масло, пыль и сладость. Ноябрь, а солнце стояло так, что тень под ногами казалась вырезанной ножницами. Белый город, терракота, где-то переговаривались голуби. Втянула этот воздух двумя-тремя глотками — как воду, как лекарство, и вдруг захотелось запомнить его целиком, восполнить все двадцать девять лет, когда такое можно было только представлять.

— Дыши, Аська, — Вадим хлопнул меня по плечу. — Через неделю полетим обратно богатые и довольные.

Богатые. Довольные. Улыбнулась — впервые в жизни улыбка у меня получалась отдельным навыком, отдельно от лица. Рот — туда, глаза — сюда. Работает, между прочим.

Ни один из них не заметил.

После въездного контроля Лёша снова собрал паспорта: «Для заселения, помните?» Свой отдала последней, ещё надеясь, что в гостинице получу его обратно.

Встречал нас представитель принимающей стороны — крепкий мужчина в идеальном светлом костюме, представился: Юсеф, ассистент господина бен Аммара. Рукопожатие у него было такое, что пальцы помнили его ещё минуту. Услышав фамилию, Вадим слегка выпрямился и тут же потянулся к шарфу — поправить узел. Значит, и он читал, кто здесь главный. Значит, он волнуется. Впервые за сутки волновался он, и от этого было приятно, скажу честно: до стыда приятно.

— Господин бен Аммар будет сегодня на приёме. — Юсеф повернулся к нам с переднего сиденья, когда мы ехали по набитой улице мимо рядов с апельсинами, горами кинзы, висячими тучами мяты. Мальчишка на перекрёстке нёс на голове поднос с глиняными стаканами и успевал оборачиваться к товарищам; только чуть вытягивал шею, и стаканы едва позвякивали. — Сделку он не начнёт, пока не взглянет на всё своими глазами. Розанов уже здесь, в риаде.

Розанов приехал с дочерью. Представления не потребовалось — Соня Розанова вышла из машины в белом льняном костюме, в огромных очках, и посмотрела на Вадима на одну десятую секунды дольше, чем положено смотреть деловой знакомой. Целую жизнь — в одну десятую секунды. В этом

взгляде было «привет, ты мой» и «не дай бог что-то испортишь» — одновременно.

— Ася! — Она подошла ко мне первой, поцеловала в воздух возле щеки, от неё пахло дорогой пудрой и цветами. — Какая ты... настоящая. Мне Вадим столько про тебя рассказывал. Про твою верность делу.

Верность делу. Она произнесла это с паузой, с удовольствием, смакуя, как безе. Она знала, что я знаю. Она наслаждалась моей растерянностью, пробуя её на вкус: вот она, законная, вот она, настоящая, а халатик-то мой на ней вчера сидел лучше.

— Счастлива это слышать. — В огромных очках отражалась маленькая прямая фигурка; распрямила плечи ещё чуть-чуть. — Особенно в этом городе. Здесь, говорят, все чувствуют.

Она моргнула. Первая трещинка. Запомнила её, как запоминают первую победу в войне — она была мелкая, но моя.

Мы вошли в ряд Розанова — глинобитно-белый дом с внутренним двором, где в центре плескался фонтан, а по краям стояли столы с развёрнутыми картами и папками. По углам дымились чаши с благовониями, где-то струилась запись игры на лютне, негромко, для антуража. Розанов-старший — грузный, в песочном пиджаке, с пальцами в кольцах — раскинул руки:

— Господа! Ешьте, пейте, потом делим деньги!

Чай. Финики. Пирожки с мясом, от которых пахло кори-

цей и луком. Ела — заставляла себя откусывать и жевать, потому что дрожала, а стук ложки о блюдо за этим столом обязательно заметят. Вадим напротив рассказывал историю о том, как «находил» картину, — свою лучшую лекцию, слышанную раз двадцать: могла бы рассказать её сама, с его интонациями. Соня сидела рядом с ним и в нужных местах смеялась чуть раньше, чем заканчивалась шутка. У них был отрепетированный ритм. Как у пары, которая живёт вместе давно. Как у нас никогда не было.

А потом вошёл Халид бен Аммар.

Внутри толкнулось знакомое, почти забытое волнение; всмотрелась в подошедшего мужчину, пытаюсь соединить нынешнее лицо с давним именем. Высокий, в тёмном, без единой лишней детали — ни запонок, ни часов на виду, ничего, чем можно зацепиться, и именно поэтому не оторвать глаз. Шёл по кафелю двора неслышно, без спешки. Ему уступали пространство, физически: Розанов сдвинулся, Юсеф отступил к стене, официант развернулся заранее. Лицо — смуглое, спокойное, с прямыми бровями; глаза быстро и профессионально пробежали по столам, по бумагам, по людям.

И остановились на мне.

Секунды две. Не больше. Но захотелось прикрыть ворот платья: до чего же внимательно он смотрел, точно уже добрался до той страницы, которую хотелось спрятать.

— Господин Ефремов. — Он пожал Вадиму руку, не гля-

дя на него. — Господин Розанов. — Розанов задержался в рукопожатии на миг дольше, чем нужно, и за этот миг успел спрятать свою широкую улыбку. — Начнём?

Начали. Розанов лично, с торжественностью, развернул первую карту: «Портрет женщины в синем», школа Феса, провенанс — частное собрание, далее — «из коллекции семьи бен Аммар», далее цепочка наследований, красиво, как заплетённая коса. Читала строчку за строчкой, и холод полз по спине позвонки за позвонком.

Потому что помнила эту бумагу. Оригинал мне в руки не попадал. Зато копию, которую Вадим принёс мне в марте, «сфотографированную в архиве», знала прекрасно: сверила почерки и согласилась — хорошо, подписываю. А потом, уже позже, за неделю до вылета, случайно увидела в его файлах вторую версию той же бумаги — с другими датами. Тогда нашлось объяснение: ошибка, скан, черновик. Думаешь о человеке девять лет — найдёшь оправдание и десятому.

Подписанная мной экспертиза сопровождала картину, у которой, возможно, никогда не было той истории, что теперь была заверена моей настоящей подписью.

— Госпожа Гусева, — голос Халида разрезал мой столбняк. — Вы эксперт сделки. Вы подтвердили этот провенанс?

Глава 3. Сделка, которой не будет

Двадцать четыре человека смотрели на меня. Вадим смотрел особенно внимательно — инструкция во взгляде читалась чётко, как упаковочный лист: не смей.

— Я готовила заключение. — Оторвав взгляд от Вадима, повернулась к Халиду и встретила его внимание. — По представленным мне копиям архивных документов.

— По копиям, — повторил Халид. Он произнёс это без интонации, но слово легло на стол, как нож. — Господин Ефремов. Десять минут назад мой человек показал мне оригинал, который вы представили моему представителю как подлинник из архива моей семьи. Архив моей семьи не выдаёт подлинники посредникам — его знает каждый уважающий себя эксперт. Мой дед не выдал бы бумагу соседу за соль. Оригинал, который вы показали, — работа очень хорошего бухгалтера, а не архивариуса. Бухгалтера, между прочим, я бы взял к себе. Место ему — тюрьма.

Ветер тронул листья апельсина во дворе. Фонтан плескался. Никто не дышал. Где-то в глубине дома завершилась запись лютни, и наступившая тишина стала ещё глуше.

— Господин бен Аммар... — Розанов начал подниматься.

— Нет. — Халид остался стоять у стола.

Просто «нет». От этого слова в груди обрушилось что-то большое — мостовыми пролётами. Сделка на двести милли-

онов умерла в одном слове, и умерла тихо, без криков. Так умирают по-настоящему большие вещи: не от крика — от короткого слова того, кто имеет право его сказать.

— Все работы, проходившие через это заключение, — Халид кивнул на папки, — снимаются с продажи и остаются у меня до внутренней ревизии. Господин Розанов, ваши юристы получают мои предложения по возврату уплаченного. Господин Ефремов, со мной будете говорить не вы, а ваши юристы. Если найдёте тех, кто ещё возьмётся.

Розанов медленно сел. Его лицо наливалось цветом от шеи вверх — лицо человека, у которого на глазах горят деньги, а схватить нечем. Соня рядом с Вадимом побелела под пудрой — впрочем, не так, как белеют от неожиданности. Так белеют от того, что сценарий пошёл не по ролям. Она дёрнулась было к отцу, потом пересчитала что-то за секунду и осталась сидеть, только пальцы с красными ногтями вцепились в сумочку.

И тут Вадим сделал то, что должен был сделать. То, ради чего я, возможно, и была привезена сюда.

— Господин бен Аммар. — Он поднялся, и голос его звучал легко, с горькой обидой честного человека. — Понимаю ваш шок. Я сам в шоке. Экспертное заключение по всем двадцати восьми работам готовила и подписывала госпожа Гусева. Лично. Каждый лист. — Он повернулся ко мне, и лицо у него было трагическое, благородное, прекрасное. — Ася. Если ты что-то знала — скажи сейчас. Я прошу, но эти

люди должны слышать правду.

Вот она, сцена, которую он готовил, наверное, с самого самолёта. Может, с начала этого года — с появления Сони. Стрелочная. Неудачница с дипломом. Девочка, подпись которой теперь стоила минус восемь нулей. И в первую секунду — по инерции, за десять лет — чуть не сорвалось извинение. Почти открыла рот, чтобы сказать «да, подпись моя». Правда же. Подпись моя.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.